

Евгений Павлов-Сибиряк

**Нечисть, нежить и
неведомые твари**

Неведомое

Евгений Павлов-Сибиряк

**Нечисть, нежить и
неведомые твари**

«Автор»

2026

Павлов-Сибиряк Е.

Нечисть, нежить и неведомые твари / Е. Павлов-Сибиряк —
«Автор», 2026 — (Неведомое)

Принято считать, что люди — хозяева на своей земле. В доме, в лесу, на работе. Это самоуверенное заблуждение. Рядом с нами, за тонкой, как лезвие ножа, гранью, обитают ОНИ. Не призраки из дешёвых ужастиков, а существа из плоти нашего подсознания, из древней памяти наших предков. Домовые, которые могут приударить за хозяйкой, банники, не прощающие неуважения, лесные духи, способные закружить человека в своём хороводе на шесть часов, которые покажутся вечностью, ночные соблазнители, после чьих ласк остаётся смертельная пустота. Эта книга — хроника контактов с потусторонним. Здесь есть трагедии, страсти, попытки мирного сосуществования с неведомым. Вы узнаете, как договаривались с «Юрасиком», как выгоняли похотливую нежить и что происходит, когда человек решает, что ему мало обычного мира, и открывает дверь для того, кому нужна его энергия, его душа и его жизнь. Добро пожаловать в мир, где у каждого угла есть свой хозяин. И дай вам Бог с ним не поссориться, а в борьбе - победить.

© Павлов-Сибиряк Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Нечто страшное, потустороннее	6
Тайна гибели неизвестного	9
Таинственный душитель	12
Исповедь жертвы инкуба	15
Как Домовой замуж звал и что из этого получилось	19
Допились или Необъяснимый случай в бане	25
ОНО или Запредельная жуть	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Евгений Павлов-Сибиряк

Нечисть, нежить и неведомые твари

Пролог

Есть такие люди, которые бьют себя в грудь: «Я в это не верю!». Наивные. Миру плевать на такую позицию. Мир был, есть и будет населён сущностями, которые существовали задолго до того, как первый Номо sapiens возомнил себя царём природы.

Эта книга – уже пятая в серии «НЕВЕДОМОЕ». И если первые были разведкой, при-стрелкой, то эта – настоящий артиллерийский обстрел привычной картины мира. Потому что в ней пойдет речь о тех незримых сущностях, неведомых тварях, которые веками обитают с людьми бок о бок. О домовых, которые не только порой скрипят половицами, но и пытаются замуж позвать. О банниках, чей гнев может обернуться жестокой расправой. Об инкубах и суккубах – ночных соблазнителях, после чьих ласк остаётся ледяная смертельная пустота, и опустошённая душа, которую потом приходится вытаскивать из бездны молитвами и полынью.

Всё, что вы здесь прочтёте – это свидетельства людей, которые, как и вы, считали себя здравомыслящими. Пока однажды не ощутили на себе леденящее прикосновение того, кто пришёл из чащи, из-за печки или из глухой ночи. Пока не поняли, что их тело больше им не принадлежит, а душа стала разменной монетой в чужой, неведомой игре.

В книге собраны не только жуткие истории насилия, но и удивительные примеры временного мирного сосуществования. Ведь нечисть, нежить – она разная. С одними на время можно договориться, оставив на столе конфетку. Других нужно гнать молитвой и железом. Но нужно твердо знать и помнить, что нечисть – это бесы, личностные духи, полностью укоренившиеся в абсолютном зле. А цель у любой нечисти одна – войти в доверие к человеку и сделать его в итоге подобным себе. Пленных эта нечисть никогда не берет, она претворяется хорошей, но главной для неё отрадой будет, чтобы как можно больше человеческих душ после смерти и Страшного Суда оказалось с ними в аду.

Нечто страшное, потустороннее

Дорогие читатели, подписчики моих литературных каналов! Я признателен вам за то, что вы доверяете мне и делитесь своими мистическими историями, о которых раньше боялись рассказывать. Благодаря вам многие люди начинают осознавать, что не сошли с ума. Ведь с ними тоже происходили удивительные вещи, которые кажутся такими же невероятными, как и те, что описаны в рассказах очевидцев паранормальных явлений. Сегодня поделюсь с вами невероятной историей, которую рассказала читательница с ником Melifartus.

Наш бескрайний мир, как видимый, так и невидимый, гораздо сложнее, чем могут представить себе люди, мыслящие прямолинейно, исключительно с материалистических позиций. Он подобен айсбергу, чья видимая часть – лишь небольшая скорлупа привычной реальности, под которой скрываются бездны иного, пугающего и непостижимого бытия. Позвольте рассказать реальную историю, которая демонстрирует, как даже самые убеждённые скептики могут изменить свои устоявшиеся убеждения и, если не поверить, то хотя бы не отвергать возможность существования другого, потустороннего мира.

Подобные изменения произошли с моим родным братом Петром, закоренелым агностиком. Он был человеком точных наук, инженером на норильском комбинате, верившим в формулы, чертежи и показания приборов. Мир для него был сложным, но в конечном счете познаваемым механизмом, лишенным любых мистических тайн. Кто не знает – представители агностицизма утверждают, что невозможно познать объективную реальность через субъективный опыт. Для агностиков существование Бога, мистических или сверхъестественных сил остаётся неизвестным или непостижимым. Петр же доводил это до Абсолюта: «Не зафиксировано датчиком – значит, не существует в принципе».

Когда я раньше рассказывала брату о мистических событиях, в том числе и о том, что со мной происходило, он всегда слушал с большим интересом, как этнограф слушает сказки дикарей – с вежливым, но снисходительным любопытством. Однако в конце каждой истории обязательно замечал, что с ним ничего подобного никогда не случалось, поэтому он не верит в подобные вещи и считает, что это просто невозможно. «Твои чувства тебя обманывают, сестренка, – говорил он, попыхивая трубкой. – Усталость, перегрузка, магнитные бури. Всё имеет рациональное объяснение, просто мы пока не всё знаем».

Брат, конечно, отчасти прав: сложно поверить в то, чего не видел, не слышал и не ощущал своими чувствами. Но это ведь не значит, что подобное не может происходить с другими людьми. Вера требует чуда, а чудо, как правило, является без спросу и ломает все внутренние баррикады.

Помню, как однажды я сказала брату: «Петя, всему своё время. Однажды настанет момент, когда ты будешь удивлён и даже шокирован тем, во что раньше не верил и что отрицал». Он тогда лишь усмехнулся, стряхнул пепел с рукава своего свитера и промолчал. Но, как оказалось, я была права: так вскоре и произошло.

Как-то раз пришёл ко мне домой братик, но не тот уверенный в себе Петр, а какой-то сломленный, посеревший. Он был морально растрепан и, не скрывая волнения, сел за стол, долго молча смотрел в стакан с недопитым чаем. Затем рассказал довольно удивительную историю о трёх необъяснимых событиях, свидетелем которых ему довелось стать. Более того, он сам был их непосредственным участником. Его слова могут подтвердить ещё два близких человека, которые также стали невольными свидетелями появления в квартире загадочного, страшного существа. Далее изложение от первого лица.

«Первое происшествие случилось в середине июля в Норильске, в тот самый период, когда солнце лишь делает вид, что садится, а ночь превращается в сумерки, длящиеся до утра. В квартире было светло, как днём – этот полярный свет лился через окна, и всё в помещениях

было видно с неестественной, почти микроскопической чёткостью. Трудовой день закончился, мы с женой спали в спальне на диване, спина к спине.

После полуночи просыпаюсь от странного чувства – не просто от тесноты, а от давящего, физического присутствия. В полудреме чувствую, что супруга не очень скромно развалилась, сильно навалилась на меня, выдавливает с постели, еще немного – и свалюсь на пол. Начинаю спиной тихонько двигать её на своё место, но безуспешно. И в какой-то момент понимаю, что у жены размеры далеко не те. Я уперся спиной во что-то длинное, лишенное мягких женских округлостей. И тело совсем нетеплое, наоборот, пугающе холодное. Меня аж передернуло от нехорошей мысли. Остатки дремоты как рукой сняло. Поворачиваюсь и вместо жены в упор вижу какую-то жуть неведомую – нечто белое, полупрозрачное, но не бестелесное. Тело его, если это можно было назвать телом, напоминало худое, вытянутое подобие человека, слепленное из матового, мерцающего в полярном свете пара. Конечности были слишком длинными, пальцы – тонкими, как прутья. И точно живое. Оно лежало, повторяя позу спящего человека, и его продолговатая голова была повернута ко мне.

Сказать, что я был очень напуган, значит не сказать ничего. В тот момент я был в состоянии глубокого шока и не мог пошевелиться, только в голове метались панические мысли. Уверен, мои глаза от дикого ужаса были готовы вылезти из орбит.

А это холодное нечто тоже с удивлением смотрит на меня, и в его огромных, темных, как две бездонные лунки, глазах я прочел не злобу, а именно что панический испуг. Чётко вижу, что ему также очень страшно. Несколько мгновений мы молча смотрели друг на друга. В комнате, залитой светом белой ночи, стояла гробовая тишина, нарушаемая только бешеным, предательски громким стуком моего сердца в ушах.

Тут просыпается жена и, увидев на моём месте это мерцающее нечто, с громким криком и отборной руганью вскакивает и бросается на середину комнаты. «Петь, что это?!» – завывала она, прижимаясь к стене.

А это существо словно взорвалось от её крика. Оно подпрыгивает вверх, зависая на мгновение в воздухе, неестественно изогнувшись, затем падает и исчезает в диване. Не сквозь обивку, а именно в него, как капля воды в песок. При этом издаёт очень громкий и высокий звук, что-то вроде «ЙЯААААА» с повышением тона. Звук был пронзительным, металлическим, полным паники, и врезался в память навсегда.

Мы с женой долго не могли прийти в себя, стояли в обнимку, как дети. Пытались понять, что же с нами произошло? Кто эта неведомая жуть? Зачем и с какой целью забралась в нашу постель? Боялись снова ложиться спать, отодвинули диван, изучили его вдоль и поперёк, рассматривали пол, стены, но никаких следов ночного пришельца не обнаружили. Ни холодного пятна, ни запаха. Ничего. Так и не спали, сидели до утра на кухне, жена пила успокоительное, а я, выпил не только лишь кофе, но и стопку водки, чтобы остановить дрожь в коленях.

Второй случай произошел через десять дней в той же спальне. Правда, после страшного события сделали в ней перестановку, диван поставили к другой стене. Мы словно надеялись, что, передвинув мебель, сдвинем и саму память о ночном кошмаре. Такое расположение было не совсем удобным, но мы никак не могли себя заставить спать на том месте, где на нас свалилась неведомая жуть. К тому моменту за трудовыми буднями и повседневными заботами происшествие подзабылось, мы успокоились, решили, что всё закончилось. «Галлюцинация на двоих, – бодрил я себя. – Совместный сонный паралич. Экология, усталость». Но не тут-то было.

И вот настал новый день. В квартире кроме меня больше никого не было, дочка в школе, жена на работе. После ночной смены крепко сплю себе на диване. Сон был тяжелым, как свинец, но сквозь его толщу я начал продираться, ощутив тот же леденящий холодок внимания, уставленный на меня. Чувствую чье-то присутствие. Открываю глаза: посреди комнаты стоит это же неведомое существо. Крутит своей непропорционально маленькой башкой, ози-

рается. Роста выше двух метров, под самый потолок. Голова продолговатая, без волос. Лица как такового не было – лишь смутные впадины глаз и щель рта. Рот без губ. Это нечто, заметив, что я проснулся, уставилось, пристально смотрит. Глаза большие, зрачок черный. Взгляд был пустым, как у глубоководной рыбы, но от этого не менее осмысленным. Меня вновь обуял дикий ужас. Что делать, как себя вести – не знаю! Лежал, замороженный, как кролик перед удавом, чувствуя, как этот ледяной взгляд сканирует меня, изучает. И вдруг раздается громкий и высокий звук «ЙЯААААА», и существо, резко дергается, падает в пол и пропадает, не оставив ни вспышки, ни дыры – просто перестает быть.

Третий случай. В той же квартире спустя неделю. Белый день. Сидим на кухне с дочкой 17 лет, кушаем. Обычный будничный обед. Ничто не предвещало, мы спорили о какой-то ерунде, и вдруг... из спальни, глухо, сквозь закрытую дверь, раздаётся этот жуткий, уже знакомый, леденящий душу звук «ЙЯААААА». Оба не по-детски испугались. Доча побледнела, ложка звякнула о тарелку. Мы замолчали, вжав головы в плечи. Сразу смотреть не пошли. Словно боялись застать там того, кто кричал. Лишь спустя несколько минут, вооружившись на всякий случай скалкой, осторожно осмотрели всю квартиру. В спальне было пусто, светло и обыденно. Ничто не говорило о вторжении. Никого не нашли. После того как это произошло в третий раз, визиты неизвестного существа, кажется, прекратились. Словно оно, трижды явившись и трижды испугавшись, удовлетворило свое любопытство или выполнило какую-то миссию. Возможно, он приходит, когда нас нет дома, но никто из нас не хотел бы снова с ним повстречаться.

Так и не понял, с кем или чем нам пришлось столкнуться. Призрак? Сущность из иного измерения? Бестелесный сгусток полярного страха? Даже не знаю, что сказать. Но теперь мне известно, что мир совсем не прост, полон тайн и загадок, заселен неведомыми сущностями, в которые трудно поверить, пока сам их лично не увидишь. И агностицизм мой дал трещину, потому что теперь я *знаю* – есть нечто, что нельзя измерить, но можно встретить лицом к лицу в своей же спальне, среди бела дня. И это знание холодное, как прикосновение того существа, и тихое, как звук «ЙЯААААА», застывший в памяти навсегда.

Тайна гибели неизвестного

Есть преступления, которые раскрывают, и есть те, что просто констатируют. Последние – как глубокие морозные трещины во льду реальности: в них можно заглянуть, но дна не увидеть, а холод от них тянет даже спустя десятилетия. Расскажу про одно преступление, относящееся ко второй категории. Этот необъяснимый случай, который так и не смогли раскрыть сотрудники милиции, произошел давно, еще в семидесятых годах прошлого века. Минуту более пятидесяти лет, очевидцы тех событий уже давно умерли, однако тайна случившегося так и остается скрытой за непроглядным занавесом. Это не просто нераскрытое убийство. Это – пробел. Чёрная дыра в понимании мира, куда провалился один человек и утащил за собой все ответы. Мне эта история стала известна в молодости от непосредственного участника тех странных событий, того, кому случайно довелось обнаружить жуткую находку. Он рассказывал её тихим, надтреснутым голосом, и после его слов в комнате, где мы находились, даже жарким летом, становилось зябко.

А произошло это зимним утром, когда Асхат абый отправился на запряженных санях в ближайшую марийскую деревню, чтоб приобрести закончившиеся продукты. Магазин в его родной татарской деревушке давно сгорел, да и деревней этот небольшой населенный пункт на тот момент можно было назвать лишь условно, поскольку осталось в нём всего семь жилых домов. Семь домов, как семь старых, полуистлевших зубов, торчали из высоких сугробов. Запах дыма из труб был жидким и беспомощным, его тут же съедал бескрайний, промёрзлый простор полей. Путь в магазин был неблизкий, обычно приходилось ездить по проселочной дороге, которая делала большой крюк. Поэтому, чтобы сократить время, жители деревушки зимой на лошадях в основном ездил напрямик по полям. Это был путь по чистой, белой стране, на которой каждый сам прокладывал свой временный, ни к чему не обязывающий след.

Асхат абый, мужик лет шестидесяти, с лицом, как высохшая груша, закутался в тулуп, прилег на мягкую подстилку из сена, укрывающую дно саней. Солнце, бледное и холодное, как кусок льда, висело в молочно-белом небе. Сориентировался по нему и, понукнув лошадку, отправился в путь. Снежный покров был неглубоким, сани скользили ровно, спокойно. Монотонный перезвон бубенцов на дуге, равномерное сопение лошади, скрип полозьев – этот ритм усыплял сознание, растворял его в белом безмолвии. Под монотонность движения возникший задумался о чём-то своем, житейском. О том, что соль на исходе, что дочь в городе, и давно не пишет, что зимовка в этом году будет долгой.

Из этого состояния его вывело тревожное похрапывание лошади. Асхат встрепенулся, оказывается, сани стоят. Глянул на небо и по расположению солнца понял, что уклонился с намеченного направления. И тут впереди и чуть в стороне заметил темный бугорок, неприкрытый снегом, а за ним, неестественно густым островом посреди белизны, высились деревья роши.

Асхат выбрался из саней, пошел разузнать, что же там чернеет. Ноги проваливались в снег с сухим шелестом. Не доходя нескольких шагов, увидел, что на снегу, раскинув руки, лежит незнакомый мужчина. Он лежал в неестественной позе, будто застыл в момент падения навзничь, пытаясь обнять небо. Мертвяк, зрелище не для слабонервных: глаза выпучены, стеклянные, заиндевелившие, уставшие в невыразимом ужасе, язык высунут, на лице застыла гримаса дикого ужаса. Это было не просто лицо смерти. Это было лицо встречи с чем-то чудовищным, что разум не выдержал и остановился раньше сердца. Без верхней одежды, на одной ноге валенок в ледяной корке, а на второй – шерстяной носок. Эта деталь кричала о внезапности, о панике, о том, что человек в агонии даже не чувствовал холода. Вокруг тела весь снег примят, словно перед смертью незнакомец с кем-то боролся. Но это были не следы схватки двоих. Это был след одной, отчаянной, безумной борьбы с невидимым противником. Снег был

выбит, изорван, но в нём отпечатались лишь следы одного человека. А до этого места со стороны дубовой рощи протянулась ровная цепочка следов от одного человека. Других следов не видно. Они уходили в чащу, как нить Ариадны, ведущая не к выходу, а в самое сердце лабиринта ужаса.

Асхат абый, сотворяя молитву, бросился к саням и, подгоняя лошадь, доехал до марийской деревни. Телефонов даже стационарных тогда в деревнях еще не было. Поэтому, чтобы сообщить властям о случившемся, Асхат абый оставил свою лошадь с санями в деревне и вместе с местным провожатым отправились на попутке до райцентра. Пока добирались до милиции, пожилой мариец рассказал, что роща, рядом с которой обнаружился мертвяк, непростая, в ней находится священное для марийцев место – кюсото, в котором со стародавних времен проводились языческие ритуалы, магические, шаманские обряды.

Асхат абый сообщил в райотделе о мертвяке и вместе с милицией приехал на место. Приезд милиции внёс в гибельную тишину суету, но не понимание. После того как свидетель дал показания, ради любопытства остался, всё время со следователем ходил. Он видел, как непоколебимая уверенность людей в погонах постепенно таяла, сменяясь недоумением. На шее мертвяка были кровоподтеки, а на указательном пальце правой руки не было ногтя. Не сломан – а именно отсутствовал, будто его с силой, вырвали. Пошли вдоль следов в сторону рощи. Возле деревьев лежал овчинный полушубок, а метрах в пяти от него валялся второй валенок. На полушубке имелись следы крови, а весь снег вокруг тоже был вытоптан, словно тут проходила серьезная борьба. Но и здесь на избитом снегу тоже отпечатались следы лишь одного человека. Вторая, вернее первая точка безумия. Борьба погибшего с пустотой, не оставляющей отпечатков.

После этого посреди рощи нашли брошенную лопату, новую, с острым лезвием, на котором даже не было земли – только снег. Совсем недавно в нескольких местах рощи копали, что-то искали. Но что? Сокровища? Артефакты старой веры? Дальше по следам установили, что неизвестный в одиночку пришел от основной дороги, видимо, его подвезла попутка. Затем, когда он переходил по льду небольшую речку, возле берега провалился в воду где-то по колено, отсюда и ледяная корка на одном валенке. На улице крепкий мороз, нога промокла в холодной воде. Любой нормальный человек после этого повернул бы обратно. Но этот – нет. Его миссия видимо была сильнее инстинкта самосохранения. Он целенаправленно двигался в рощу, чтобы там, несмотря ни на что, выкопать какой-то предмет. И, скорее всего, происходило всё в потемках, поздно вечером либо ночью, однако фонарик или следы костра не были обнаружены. Он копал в крошечной тьме. На ощупь.

Асхат абый рассказывал, что милиция потом приезжала еще несколько раз. От них он узнал, что, согласно результатам экспертизы, погибший был задушен. Однако кто и каким образом это сделал, так и не смогли понять. Следователь, сухой, педантичный капитан, говорил тогда, сжимая переносицу: «По всем законам физики, его не мог никто убить. Но он убит. Значит, законы здесь другие». От места, где был найден полушубок, до места своей гибели человек двигался, словно в шоковом состоянии, не бежал, а шёл, не замечая, что на ноге валенка нет. При этом валенки были не мягкие, как делают все местные, а жесткие, фабричного изготовления. Личность погибшего так и не была установлена, из местных никто не пропадал, в криминальных базах не числился. Что чужак искал посреди ночи в священной роще – неизвестно. Он пришёл из ниоткуда и ушёл в ничто, оставив после себя лишь неразрешимую головоломку.

Была версия, что на него напала рысь, прыгнув с дерева. Однако эта дикая хищная кошка в тех краях не водится, да и следов вообще никаких животных не нашли не только в самой роще, но и вокруг неё. Погода за несколько дней до гибели неизвестного и после, стояла хорошая, ясная, снегопада, метелей не было, поэтому замести следы преступника не могло. Снег был идеальным холстом, и на нём была нарисована лишь одна история – история одинокой агонии неизвестного.

Версия нападения огромной хищной птицы тоже отпала: должны же были остаться следы острых когтей, перья, характерные отпечатки на снегу в тех местах, где проходила борьба погибшего с напавшим? Но ничего не было найдено. Да и никто никогда не слышал, чтобы птицы кого-то душили. В общем, получалось, что какой-то бесплотный злыдень лишил человека жизни, не оставив никаких следов. Совсем никаких! Убийца был невидимкой. Или убийцей было само место.

Асхэт абый потом не раз бывал в той марийской деревне, общался с местными, так они твёрдо уверены, что в этом загадочном случае не обошлось без духа-хранителя священной рощи, который защитил от чужака святыню. Об этом могла бы рассказать последняя кова-влак (бабка-знахарка), которая туда всегда раньше ходила обряды исполнять, да только вот она давно, еще в середине шестидесятых годов, померла. После этого рощу никто из местных не посещает. Она стала ещё более священной – и ещё более страшной. Местом, где можно остаться навсегда. Гибель неизвестного так и осталась загадкой. Татарская деревня, из которой выехал Асхэт абый, называлась Аксай, более тридцати лет её уже нет. А как называлась марийская, не знаю. По молодости лет не уточнял. Исчезли деревни, умерли люди. Осталась лишь священная роща и неразрешимый вопрос: с чем боролся неизвестный погибший?

Это уголовное дело – классический пример того, как сталкиваются два вида правды. Правда криминалиста, требующая материальных следов, и правда земли, основанная на иных, древних законах. Незнакомец пришёл в священную рощу ночью, с лопатой. Это был акт вторжения, осквернения. Места силы, особенно те, что хранят память древних культов, не прощают такого. Версия местных о духе-хранителе – не суеверие, а метафора, вмещающая в себя то, что не может вместить следственный протокол. Убийца не оставил следов, потому что убийцей была сама атмосфера места, сгустившаяся до физического воздействия. Паника, вызванная чем-то ужасным (возможно, незнакомец откопал не то, что искал), могла вызвать спазм сосудов, остановку сердца – но как объяснить кровоподтёки на шее и сорванный ноготь? Это следы борьбы с реальным физическим воздействием. Возможно, в состоянии крайнего ужаса погибший сделал это сам себе. А возможно, существуют формы защиты, которые мы, с нашим рациональным мышлением, не в силах не только объяснить, но даже и корректно описать. Эта история – не про убийцу. Она про границу. Границу между нашим миром и тем непознанным, что было здесь до нас и останется после. Чужак перешёл эту границу с лопатой в руках. И граница ответила. Ответила так, что не осталось даже следов для нашего понимания, лишь – идеально чистая, немая гладь снега и ужас в застывших глазах, смотрящих в небо, которое ничего не объясняет.

Рассказ написан по таинственной истории, которой поделился читатель с ником ТАСС уполномочен заявить.

Таинственный душитель

Вот и я решилась рассказать про страшный случай из моего далёкого детства. Чем дольше живешь, тем больше понимаешь – хранятся в нашей памяти воспоминания о событиях, которые время не лечит, не притупляет. Они не тускнеют, не уходят в песок забвения, а остаются навсегда – острые, как мелкий осколок стекла, застрявший глубоко в ладони. Сколько лет прошло, а я всё помню тот страшный день до мельчайших подробностей. Запахи, звуки, свет, тяжесть в груди. И каждый раз, когда всплывает это жуткое воспоминание, меня пробирает дрожь. Холодная, липкая, идущая изнутри. До сих пор не знаю, с чем столкнулась тогда. Кто напал на меня, находящуюся в полудрёме, в собственном доме, среди бела дня.

Это случилось летом 1977-го. Самое начало августа, время сенокоса. Погода стояла сухая, жаркая, но пригодная для полевых работ. Мы, подростки, и те, кто постарше, с раннего утра, пока держалась прохлада, выходили из деревни в поля, за околицу. Трудились. Помогали взрослым убирать сено. Душистое, из разнотравья, оно сохло быстро, и надо было успеть, пока дожди не пролили.

Работали споро, с шутками. В полдень, когда солнце начинало печь нещадно, за нами приезжал дед Пантелей – старый колхозный конюх, балагур и весельчак, каких еще поискать надо. Он правил телегой, запряжённой смирной лошадкой по имени Зорька. Телега подпрыгивала на ухабах, мы, человек десять ребятни, сидели на свежем сене, галдели, хохотали, а дед Пантелей травил разные байки. Мы знали, что половина из них – выдумки, но слушать любили. До деревни добирались минут за тридцать, и это было для нас хорошее время дня.

Мне тогда было четырнадцать. Возраст, когда уже не ребёнок, но ещё и не взрослый. Когда тело наливается силой, а душа остаётся открытой, доверчивой.

В тот день я, как обычно, вернулась с поля. Усталая, пропахшая потом и травой, но довольная. Мама уже накрыла на стол. Мы пообедали, поговорили о всякой всячине. Отец ещё был в поле, ему мама собрала корзинку с перекусом – хлеб, сало, лук, овощи, вареные яйца, крынку холодного кваса, прикрытую тряпицей.

До выхода на работу еще оставалось время, и я решила вздремнуть. У нас в доме были просторные сени – длинное помещение между улицей и избой, этакий коридор, где хранилась разная утварь, висела рабочая одежда, стояли кадки с соленьями. В сенях было три двери, одна по центру вела в избу, с левой стороны – на веранду, откуда можно было выйти во двор. А справа за третьей дверью имелась небольшая комнатка – махонькая, с узким оконцем, выходящим в палисадник. Там стояла старая панцирная кровать, накрытая покрывалом, тумбочка, да на стене весело обшарпанное зеркальце. Летом это было лучшее место для отдыха: в комнатке царили прохлада и тишина, пахло сухими травами, развешенными под потолком. Я зашла туда, прикрыла за собой дверь. На щеколду закрывать не стала – зачем? Дома только свои, чужих нет. Легла, вытянувшись, и сон пришёл сразу, накрыл тёплой волной.

Сколько проспала – не знаю. Но проснулась внезапно. От удущья.

Это было не сновидение, не кошмар, от которого можно отмахнуться. Это было физическое, абсолютно реальное ощущение: на меня навалилось что-то большое, тяжёлое. Всей большой массой. Я не могла пошевелиться. Чьи-то пальцы – сильные, жёсткие – сдавили горло. Душили. Целенаправленно, безжалостно.

Я открыла глаза. В комнатке было почти темно, тусклый свет сочился только из-за занавески на оконце. Ничего не видно. Только темень, давящая со всех сторон, и эта тяжесть на всём теле, боль на шее. Я попыталась закричать. Рванулась всем телом, забилась – бесполезно. Лёгкие горели, в ушах зашумело, а из горла вырывался только тихий, сиплый хрип. Я не слышала собственного голоса. Только стук собственного сердца, бешеный, вырывающийся из груди.

Мысль была одна: сейчас этот гад меня задушит. Сейчас всё кончится. Перед глазами поплыли цветные круги – жёлтые, красные, потом чёрные. Я стала проваливаться куда-то в тёмную, вязкую глубину. И в этом отчаянии, уже на грани потери сознания, я взмолилась. Не Богу – маме. Мысленно, из последних сил: «Мама! Выйди! Спаси!»

И случилось чудо.

Дверь в мою комнатку отворилась. В проёме возник силуэт – мама. И в ту же секунду я увидела, как мимо неё, в щель между дверью и косяком, выскользнуло нечто. Высокое, выше человеческого роста. Лохматое, покрытое чёрной, длинной шерстью. Оно протиснулось в щель, словно было бесплотным, метнулось через сени и исчезло за проемом второй двери, что вела на веранду. Просто растворилось в воздухе, на пороге, на свету.

Мама вскрикнула. Коротко, пронзительно, как кричат от внезапного, невыносимого ужаса. Она инстинктивно отшатнулась, прижалась к косяку, а потом бросилась ко мне.

Тяжесть, душившая меня, исчезла мгновенно. Я села на кровати, хватая ртом воздух, жадно, судорожно. Лёгкие работали как кузнечные мехи. Мама прижала меня к себе, гладила по голове, целовала, шептала что-то. Я тряслась всем телом, и не могла остановиться.

Когда дыхание восстановилось, я спросила, задыхаясь:

– Мама... ты видела? Видела, того кто выскочил?

Она побледнела. Лицо у неё стало серым, как зола.

– Видела, – сказала она тихо. – Высокий, чёрный, лохматый... Прямо мимо меня... Я так и ахнула. Господи, думаю, что это за жуть такая?

Мы посмотрели друг на друга. И в этот момент обе поняли: это не галлюцинация. Не страшное сновидение. Мы видели одно и то же. Одно и то же страшное существо. Значит, оно было реальным. Значит, оно существует.

Я спросила:

– А как ты догадалась зайти? Ты слышала мой крик?

Мама покачала головой. Она всё ещё тяжело дышала, прижимая руку к груди.

– Нет. Ничего не слышала. Я на кухне была, у печки возилась, картошку чистила к ужину. И вдруг – как током ударило. В груди закололо, холодом обдало. Такая тревога накатила, прямо сил нет. Мысль одна: с дочкой беда. Надо идти, немедленно. Я даже картошку выронила и сюда побежала. Сама не знаю, как ноги понесли.

Материнское сердце. Оно не обмануло. Оно услышало беззвучный крик, мольбу, которую я посылала из последних сил.

– А ну-ка, покажи шею, – вдруг сказала мама, всматриваясь в меня.

Я подняла подбородок. Она охнула, прикрыла рот ладонью.

– Господи... Смотри.

Мама подвела меня к зеркальцу на стене. Я взглянула и замерла. На шее, чуть ниже подбородка, алели пятна. Чёткие отпечатки больших пальцев – продолговатых красных следов, будто меня только что сдавили железными тисками. Я дотронулась до них – кожа горела, саднило. Сомнений не оставалось: это не сон, не видение. Кто-то злобный душил меня по-настоящему.

Мы молчали. Потом мама отвела меня от зеркала, усадила на кровать и села рядом. Минуту молчала, а потом начала говорить. Голос у неё был тихий, но твёрдый:

– Слушай меня внимательно, дочка. О том, что мы видели – никому ни слова. Ни подружкам, ни соседям, ни отцу даже. Сделаем вид, что ничего не случилось. Потому что, если начнёшь рассказывать, люди не поверят. А поверят – ещё хуже будет. Скажут: мать сама дочку душила, а теперь небылицы выдумывает. Ты понимаешь?

Я кивнула. В деревне всё вроде шито-крыто, но всегда у всех и на виду. Слухи разлетаются быстро, а обратно не соберёшь.

– Никому, – повторила я.

Мама вздохнула, перекрестилась, потом обняла меня крепко-крепко.

– Ладно. Давай, поправь волосы, на шею косынку накинь. И пойдём. Скоро в поле идти.

Я перед выходом в поле с опаской заглянула ту комнатку. Там уже было светло и пусто. Обычная маленькая комната, где я любила отдыхать. Только теперь воздух там показался каким-то спёртым, тяжёлым.

Сейчас описываю случившееся, а сама вновь вижу перед глазами ту страшную картину! Это как старое кино вновь и вновь просматривать из прошлых лет! До сих пор, когда вспоминаю этот день, меня передёргивает. Я снова вижу: полумрак маленькой комнатки, мамин силуэт в дверях, её испуганный вскрик и это чёрное, лохматое, выскальзывающее в щель и исчезающее во второй двери, на веранде. Кто это был? Домовой? Но домовые, говорят, не душат, они скорее шалят, пугают. Злой дух? Нечисть, пришедшая из леса? Или что-то иное, для чего у нас нет названия?

Почему оно напало на меня? Чем я привлекла? И почему отступило, когда мама открыла дверь? Испугалось? Или просто не захотело быть увиденным?

Я не знаю. Прошло столько лет, а ответов на эти вопросы – нет. Красные пятна на шее давно прошли, но память о них осталась. И та грань, за которой кончается наш привычный, понятный мир и начинается неведомое, – она оказывается тоньше, чем мы думаем. И иногда, в жаркий летний полдень, в тишине собственного дома, когда за окнами только что смеялись ребята на дедовой телеге, а в воздухе ещё висит запах свежего сена, эта грань может неожиданно исчезнуть. И тогда к тебе придёт Оно. Лохматое, чёрное, безмолвное. И будет душить.

И это будет счастьем, если рядом окажется любимая мама. Которая услышит беззвучный крик. И придет на помощь.

Рассказ написан по истории, которая произошла с Софьей Петро.

Исповедь жертвы инкуба

Меня зовут Анна. Мне 29 лет, и пять лет назад я пережила то, что едва не уничтожило меня. Рассказываю эту историю не для сенсации и не для того, чтобы вызвать к себе жалость. Делаю это как предостережение другим женщинам. Моя жизнь в 24 года казалась выстроенной и прочной. Я с мужем Максимом жила в Балашихе. Мы очень любили друг друга. Он был моим первым и единственным мужчиной. Мы строили планы на будущее, мечтали о детях. Я работала мастером в хорошем салоне красоты в Москве, куда ездила на электричке. А он работал на севере вахтовым методом, и его месячные отлучки стали ритмом нашей жизни. Каждый его отъезд на вахту мы отмечали страстной ночью, полной нежности и ласки.

Всё началось на следующий день после одной из таких прощальных ночей. Я проснулась от ледящего ощущения чужого присутствия. Открыла глаза и увидела в полумраке, что у края кровати, стоял мужчина. Полуголый, с повязкой на бёдрах, с телом, в котором чувствовалась дикая, первобытная мощь. Лица я не видела – оно было скрыто дымкой, но я физически ощущала на себе его пристальный взгляд. Это был не взгляд обычного человека. Это было изучение собственности. Я в ужасе вскрикнула и включила свет в прикроватном ночнике. Комната была пуста. Я встала, обошла квартиру, проверила замки, все помещения, даже заглянула в кладовку – никого. Тогда я убедила себя, что это сон. Галлюцинация от переутомления и эмоций. Утром, в электричке, я со смехом рассказала об этом подруге Катерине. «Тебе уже мужа не хватает», – рассмеялась она.

На вторую ночь незнакомец пришёл снова. И в тот миг, пока моя рука тянулась к выключателю, я услышала Голос. Он звучал не в ушах, а прямо у меня в голове, глубокий и обволакивающий, как шёлк: «Ты спишь в одиночестве, а твоё тело создано для огня. Ты достойна настоящей страсти».

Я закричала: «Уйди!» Включила свет. Пустота. Никого. Но семя сомнения было посеяно. «Я – обычная девушка из Подмосковья. Разве я достойна какой-то особой страсти?» – шептал мне мой собственный разум, уже отравленный этим намёком.

На третью ночь он просто заявил: «Ты будешь моей». И тут же исчез.

А потом случилась электричка. Вечерний рейс. Я чувствовала себя уставшей и разбитой. И вдруг – тот самый прилипчивый, тяжелый взгляд. В конце вагона сидел мужчина лет сорока. Строгий костюм, ухоженные руки. Но глаза... В них не было души. Лишь холодная, хищная уверенность. Когда мы подъезжали к моей станции, он поднялся и вышел. Мои ноги понесли меня за ним сами, против моей воли. Потом – провал. Чёрное пятно в памяти.

Сознание вернулось внезапно, как удар. Я очнулась, стоя на коленях на грязной земле за гаражами. Моё тело было охвачено не конвульсиями страха, а волнами высшей степени удовольствия. Это не было похоже ни на что из моего опыта с любимым мужем. Это было похоже на цунами, сметающее все дамы разума, приличия, памяти. Меня сотрясало от немого крика, каждый нерв пел на разорванной струне, высвобождая энергию такой силы, о которой и не подозревала. Это длилось вечность – падение в бездну наслаждения, которое было слишком интенсивным, чтобы быть просто приятным. Оно было мучительным в своём совершенстве. Когда сладостный ураган утих, обессиленная, опустилась на землю. Вокруг никого не было. Страх тоже не было. Была пустота, заполняемая стыдом и одним ясным, неоспоримым желанием: «Испытать это неземное наслаждение снова. Еще. Только бы ещё раз. Любой ценой».

Потом незнакомец появился снова в моей спальне, и я услышала его вкрадчивый голос: «Я же говорил, тебе понравится. Очень».

Я не стала включать свет. Не крикнула «уйди». Не знаю почему, но позволила тьме сомкнуться надо мной, на этот раз он пришёл не как видение, а как ощущение. Волнительные прикосновения, которых жаждало моё тело. Его шёпот, который читал самые потаённые

мысли. Физическое соединение, в котором не было ни капли любви, лишь всепоглощающий, эгоистичный захват. Я перестала сопротивляться. С той ночи он стал приходить регулярно. Каждую ночь – новый изошрённый урок, подчиняющий моё тело чужой, бездушной воле. Его присутствие стало энергетиком, который я постоянно ждала. Я стала заложницей этих встреч, с отвращением и тоской ожидая наступления темноты. А моя реальная жизнь стала рассыпаться как карточный домик.

Когда с вахты вернулся Максим, я не могла выносить его объятий, каждый раз вздрагивала, будто от прикосновения к раскалённому металлу. Он казался мне чужим, назойливым. Его поцелуи стали раздражать, его забота – давить. Он быстро засыпал, а в нашей с ним постели... Вскоре происходило нечто невыразимое. Бывало, я смотрела на своего спящего мужа и ненавидела его за то, что он не видит происходящее рядом с ним. Утром смотрела на его спящее лицо и чувствовала острое отвращение – к себе, к нему, ко всему миру. Начались ссоры. Я кричала на него без причины.

Я не высыпалась. На работе мои руки, всегда твёрдые и уверенные, начали дрожать. Я испортила дорогое окрашивание клиентке, перепутала формулы. Потом под надуманным предлогом пропустила несколько смен, а днём лежала в затемнённой комнате в ожидании ночи. В зеркале на меня смотрела незнакомка: бледная кожа, впавшие глаза, синяки под ними, будто меня били. Я выгорала изнутри.

Подруга Катя, увидев меня, пришла в ужас: «Боже, Аня! Ты тяжело больна? У тебя... лицо как у...» Она не договорила. За чашкой остывшего кофе я, рыдая, выложила ей всё. От ночных визитов до случая после электрички. Катя слушала, бледнея. «Это не болезнь. Это что-то другое. Тебе срочно нужна помощь. Настоящая». Она буквально силой отвела меня к психологу.

Кабинет был строгим. Психолог, мужчина за пятьдесят с умными, уставшими глазами, выслушал мой сбивчивый, полный стыда рассказ. Он не перебивал.

– Анна, – сказал он мягко, когда я замолчала. – То, что вы описываете, с точки зрения истории и психиатрии – классическая картина зависимости от так называемого инкуба. Не важно, верите вы в него как в сущность или нет. Важно, что вы находитесь в состоянии тяжелейшего психосоматического расстройства. Ваша психика выстроила этот образ для оправдания глубокой травмы или внутреннего конфликта. Но механизм разрушения реален. Вам нужна серьёзная помощь психиатра для медикаментозной поддержки и, возможно, длительная терапия.

– Но что это БЫЛО? – выдохнула я.

Если как метафора – внутренний демон саморазрушения. Если буквально... то тут не ко мне. Тут – к вопросам веры. И здесь я могу посоветовать только одно: идите туда, где сильна традиция борьбы с подобными явлениями. Но будьте предельно осторожны. Вокруг таких тем крутится много тьмы и шарлатанов.

Я не послушалась. Испугалась психиатра. А поход в церковь, воспитанная в атеистической семье, отвергла сразу. Вместо этого нашла в интернете объявление: «Потомственная знахарка. Снимаю порчи, венец безбрачия, привороты, воздействие тёмных сил. Гарантия». Я отдала ей большую часть наших с Максимом сбережений. За ритуал с чёрной курицей и горькими травами. Ничего не изменилось. Только стало хуже. Когда я попыталась позвонить ей снова, номер не существовал.

Максим, обнаружив пропажу денег и странные следы воска по квартире, не выдержал. Он сказал, что больше не узнаёт меня. Что я сама разрушаю всё, что у нас было. Он ушёл. А меня вскоре уволили с работы. Я осталась одна в пустой квартире, которая превратилась в клетку. Ночные визиты стали единственным содержанием моей жизни, но они больше не приносили даже того искривлённого наслаждения – только чувство опустошения, как будто из меня выкачали душу. Я думала, что так и умру, и это будет избавлением.

Катя спасла во второй раз. Она нашла меня в этом состоянии полного распада, отвезла в церковь. «Просто поговори со священником», – умоляла она.

Я стояла в храме, чувствуя себя грязной и чужой. Священник, отец Георгий, был немолодым человеком с тихим, но невероятно сильным голосом. Мы разговаривали не в исповедальне, а в помещении, где проходят воскресные чаепития. Выслушал, не перебивая, без единого звука удивления или осуждения.

– Вы очень сильно ранены, не только душой, но и духом, – сказал он, когда я, рыдая, закончила свой постыдный рассказ. – То, что вы описываете, – это не игра воображения. Враг рода человеческого хитер и бьёт всегда в самое слабое место. Враг не является с рогами и вилами. Он является как исполнитель самого сокровенного, самого греховного желания. Он дал суррогат любви, чтобы отнять любовь настоящую. Суррогат страсти, чтобы убить в человеке душу.

– Я не верю в Бога, батюшка, – прошептала я.

– Это сейчас неважно. Важно, что Он верит в тебя. И ты уже здесь. Это Его рука тебя привела. Изгнание демона – это не волшебство. Это трудный, мучительный путь. Вам будет невыносимо больно, страшно, и враг будет кричать, уговаривать, пугать. Ваша задача – одно: желать освобождения от демона всем своим существом. И держаться за имя Христово, как утопающий за соломинку. Готова ли бороться за свою душу? Согласна?

Я кивнула. Потому что выбора у меня уже не было.

Чин совершался в маленькой, почти пустой комнате при храме. Отец Георгий читал молитвы ровным, негромким, но таким твёрдым голосом, что кажется, им можно было гвозди забивать. Сначала ничего. Потом внутри меня начал нарастать ужас. Не эмоция, а физическое ощущение – леденящий холод в животе, поднимающийся к горлу. В голове зазвучал тот самый Голос, но теперь он визжал и скрежетал, как ржавая пила: «Он тебя обманет! Он такой же, как та бабка-шарлатанка! Ты никому не нужна! Ты навеки моя! Вернись, я дам тебе больше!»

Меня начало трясти, будто в лихорадке. Потом захлестнула волна такой чёрной, абсолютной, леденящей тьмы, и ненависти ко всему: к священнику, к кресту, к себе. Я хотела вскочить, вырваться, но не могла пошевелиться. Пыталась крикнуть «уйди», но из горла вырывалось только хрипение. Но в самый пик мучений, когда казалось, что я лопну, как мыльный пузырь, из самой глубины, из того уголка души, который ещё помнил свет, вырвался шёпот:

– Господи... спаси. Забери это. Верни мне меня. Пожалуйста.

Я не звала на помощь абстрактные силы. Я звала Того, Кого не знала и в кого до этого не верила.

Внутри что-то громко щёлкнуло. Давление, которое сжимало мой череп, исчезло. В голове воцарилась тишина. Не просто отсутствие звука, а ясная, звонкая, невесомая тишина. Я обмякла и упала на пол, и меня вырвало чем-то чёрным и горьким. Потом я плакала. Как плачут дети, потерявшие и вновь нашедшие родителя.

– Он ушёл, – сказал отец Георгий, положив мне на голову крест. Его рука была тёплой и очень тяжёлой. – Но рана осталась. Он будет пытаться вернуться через сны, через воспоминания, через минуты слабости. Как только почувствуете его присутствие – кричите: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешную!» И не бойтесь. Страх – его пища. Не кормите его.

Дальше началась самая трудная часть. Возвращение. Не в сказку, а в реальную, испорченную мной же самой – жизнь. Первые дни были самыми трудными. Это была не радость освобождения, а опустошённость выжженной земли. Часто плакала без причины, боялась спать, вздрагивала от каждого шороха. Но в голове была тишина. Соблюдала нестрогий пост, не потому что так надо, а потому что тело отказывалось принимать тяжёлую пищу. Читала Евангелие по несколько страниц в день, не понимая смысла, но цепляясь за сами слова, как за мантру.

Первый месяц был пустыней. Апатия, страх ночи, сна, панические атаки. Но в голове была тишина. Я, шаг за шагом, училась жить заново. Ставила будильник, чтобы просто встать и приготовить завтрак. Ходила на прогулки. По крохам собирала себя.

Однажды написала Максиму сообщение. Без оправданий: «Я пережила ад, который сама на себя навлекла. Я не прошу тебя вернуться. Я прошу у тебя шанса – возможности когда-нибудь снова посмотреть тебе в глаза. Я буду ждать».

Мы встретились через полгода в кафе. Он был насторожен. Я рассказала ему всё, как о тяжёлой болезни, о зависимости, о потере себя. Я сказала, что лечусь. Он молчал долго. Потом сказал: «Я не верю в демонов, Анна. Но я верю, что ты была в аду. Я не могу сразу всё забыть. Но могу попробовать идти рядом».

Мы начали с нуля. Первое время мы просто встречались раз в неделю, как знакомые. Учились заново разговаривать. Первый раз, когда он взял меня за руку, я тихонько заплакала.

Нашла работу, но не сразу. И снова помогла моя верная подруга Катя, сначала приво-дила знакомых «на домашнюю укладку». Потом позвонила бывшая коллега, открывшая свой маленький салон: «Слышала, ты свободна. У меня клиентки простые, но честные. Приходи?».

Восстанавливала здоровье. Молилась – но не всегда по молитвослову, а своими словами, как говорила с лучшим другом.

Прошло три года. У нас родилась дочь. Шрам на душе никуда не делся.

Он болел, напоминая о той бездне, у края которой я стояла. Я научилась жить с этим шрамом. Не как с клеймом, а как с памятной меткой солдата, выжившего в жестокой битве. Я стараюсь вернуть себе себя. По кусочкам, по крупичкам, с титаническим трудом. Но иногда, чувствую на краю сознания холодную, знакомую тоску. Старое желание. Тогда подхожу к окну, смотрю на огни нашего спокойного двора, на спящую дочь, на мужа, и тихо, но очень твёрдо говорю: «Господи, помилуй меня грешную. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь». И тьма отступает.

Я рассказываю эту историю, милые девушки, женщины, не для того, чтобы вас напугать. Рассказываю её, чтобы вы знали: самое страшное зло приходит под маской исполнения ваших самых «невинных» фантазий. Оно говорит вам, что вы «достойны большего», сея семя недо-вольства тем, что у вас есть. Оно обещает небеса, а приводит в ад. Берегите то, что имеете: чистоту доверия в глазах любимого, тепло своего дома, тихую радость обычного дня. Это и есть самое настоящее, самое прочное счастье. А всё, что приходит украдкой ночью с обеща-нием запредельного восторга, – ложь, ведущая в погибель.

Не ищите приключений для своей души. Цените свет. А тьма... она всегда найдёт того, кто заглядывается в её сторону.

Рассказ, написан по мотивам истории, которой поделилась Анна Рязанская.

Как Домовой замуж звал и что из этого получилось

Эта интересная история повествует о проделках хорошо известного в народе проказника – Домового (он же – домовик, запечник, доможил, полазник, суседко, дедушка, барабашка, гнетко). Информацию о необычных событиях сообщила читательница с ником antares.2020 (для удобства назовем её – Анна). Подчеркну, что история, положенная в основу рассказа, редкостная, выделяется даже на фоне множества необычных случаев, собранных в моих книгах. Обычно Домовой – существо домовитое, хозяйственное: то посуду переставит, то скотину приласкает, то ночью поскрипывает, напоминая о своём присутствии. Но чтобы кого-то замуж звал – такое, признаться, слышу впервые. А значит, стоит присмотреться к этому таинственному обитателю наших жилищ повнимательнее. Кто он, откуда взялся и чего от нас хочет?

Прежде чем мы перейдём к удивительной истории Анны, кратко раскрою некоторые факты о главном герое этого удивительного события. А то ведь, почти каждый слышал о персонажах славянского пантеона, однако, многие толком не знаю о таинственной невидимке, который с незапамятных времен обитает по соседству с людьми в их жилищах. При этом сообщу только ту информацию, которая имеет отношение к настоящей истории.

Как утверждал древнегреческий философ Аристотель: «Природа не терпит пустоты». И наши мудрые предки, жившие в ладу с окружающим миром, твёрдо знали: у каждого природного и рукотворного пространства есть свой настоящий хозяин – дух конкретного места. В лесу хозяин – Леший, у воды – Водяной, на дворе – Дворовой. А в доме поселяется – Домовой.

Согласно древним славянским верованиям, это мифологический покровитель жилища, хранитель домашнего очага, невидимый для жильцов мистический помощник. Он – настоящий хозяин дома, незримый наблюдатель, от которого зависит, будет ли в хозяйстве лад, пойдёт ли скотина в рост, сохранится ли зерно от мышей. Домовой – это домашний дух, представитель того сонма потусторонних сил, которые славяне называли нечистью, но не в злом, а в нейтральном смысле – просто иные, невидимые.

В дохристианскую эпоху славяне считали, что домовой является потусторонним существом (духом) из окружения бога Велеса, который покровительствует жилищу, домашнему хозяйству. Предки полагали, что домовыми становятся души умерших людей, либо добровольно отказавшихся от загробного мира, чтобы помогать своему роду, либо которых Бог оставил на земле для исправления допущенных при жизни ошибок.

Есть и христианская версия. Согласно библейским религиозным произведениям, когда восставший ангел – Дьявол – был низвергнут в Преисподнюю, часть из существ, присоединившихся к бунту, ужаснувшись содеянному, раскаялась. Господь не вернул их в ангельский чин, но и в ад не отправил, а оставил на земле искупать вину добрыми делами. Так появились духи, приставленные помогать людям в их земных заботах. Иные из них стали Домовыми – хранителями жилищ, которые долгие века могут служить человеку, надеясь заслужить прощение и, в конце концов, обрести покой.

Итак, Домовой это – невидимая для человеческих глаз нечисть, которая веками присутствует в наших жилищах. Это его излюбленное место обитания. Однако, люди чаще всего не видят это потустороннее существо, поскольку оно пребывает в параллельной реальности, хотя и сосуществует с нами на одной площади, но – в разных измерениях. Тем не менее, увидеть Домового можно, но лишь в исключительных случаях, когда он сам пожелает открыться, или, когда человек, подобно маленьким детям и животным, сохраняет способность воспринимать тонкий мир.

Наши предки относились к Домовому с глубочайшим уважением. С ним старались жить в мире, не ссориться, не ругаться в доме матом, не оставлять на ночь грязную посуду, ножи на столе. И Домовой отвечал добром: охранял жильё от воров, оберегал скотину от болезней,

помогал по хозяйству, а случалось – и предупреждал о грядущих бедах. Главное – находить с мистическим доможилом общий язык, и конечно, не злить. А то начнёт беспокоить – создавать проблемы, учинять неприятности, прятать вещи, пугать спящих.

Одно из имён Домового – Гнетко – дано не случайно. Если он чем-то недоволен, то может навалиться на спящего человека, начать душить. Человек просыпается в холодном поту, чувствуя тяжесть на груди, но никого не видит. Это Домовой выражает своё неудовольствие. Стоит попросить его: «Домовой, домовой, отстань, не души, я добром помяну» – и отпустит. Такой вот он – строгий, но справедливый хозяин.

В наши дни люди, в большинстве своём, утратили связь с тонким миром, и знания о том, как правильно общаться с этими сущностями, почти забыты. Тем не менее, с Домовым связано огромное количество суеверий, примет, обрядов – и всё это, как говорится, не на пустом месте родилось.

В русских деревнях до сих пор старые люди советуют: переезжая в новый дом, не забудь позвать с собой дедушку – доможила. Для этого в большую открытую сумку нужно положить веник и пригласить Домового переехать. Затем сумку закрывают вместе с веником и везут купно с остальными вещами. По прибытию на место, сумку открывают и приглашают Домового в новый дом. Веник сразу не следует выбрасывать: им нужно ещё попользоваться либо просто сохранить. Существуют и другие старинные крестьянские обряды, связанные с переездом Домового в новое жилище.

Бывает и так: если Домовой полюбит кого-то из домочадцев, он может проявлять особое расположение: гладить по ночам, заплетать косы девушкам, даже помогать в делах. Но иногда его привязанность принимает необычные формы – как в истории, которую нам поведала Анна.

Но, прежде чем перейти к её рассказу, позволю себе небольшое отступление. С детства старшие внушали, что домовые – хорошие, добрые сущности, которые защищают и оберегают. Но если разобраться по сути – в невидимом мире есть только два вида сущностей: Ангелы и демоны (падшие ангелы, бесы). Среднего не дано. Домовые ввиду своей природы не могут Ангелами быть. Они более материальны, нежели Ангелы, да и служение и предназначение у Ангелов отличается от «активности» домовых. Вывод может быть только один: домовые – это не Ангелы, а бесы, личностные духи, полностью укоренившиеся в абсолютном зле. Да, они не такие злобные, иногда даже безобидные и смешные. Согласно учению святых Отцов, у бесов со времён, когда они ещё были ангелами, сохранилась своя иерархия. Есть среди них старшие и младшие, первые более злые и свирепые, а вторые – мелкие пакостники. Но суть у всех них одна, потому что предводитель их – Дьявол, родоначальник лжи и всякой неправды. И цель у любой нечисти одна – войти в доверие к человеку и сделать его в итоге подобным себе. Пленных эта нечисть не берет, главной для них отрадой будет, чтобы как можно больше человеческих душ после смерти и Страшного Суда оказалось с ними в аду.

По православным обычаям если в жилище начинает проявлять себя домовый, то жильцам нужно пригласить священника, чтобы тот отслужил водосвятный молебен. Но самое главное – нужно ходить в храм на исповедь и причастие, детей своих причащать.

В общем, как бы ни трактовали природу Домового, факт остаётся фактом: с ним сталкивались тысячи людей на протяжении веков. И наша героиня – не исключение. Вот её история.

В добротный двухэтажный дом, построенный моими дедушкой и бабушкой, мы, внуки, съезжались каждое лето. Это было счастливое время: каникулы, свобода, запах спелых яблок и тёплой пыли на дороге. Дом стоял на пригорке, окружённый густым садом, где росли яблони, груши, вишни, а под окнами цвели мальвы и георгины. Внутри пахло деревом, сушёными травами и бабушкиными пирогами – этот аромат я запомнила на всю жизнь.

Надо сказать, что никаких мистических событий там не происходило, во всяком случае, я не припомню подобного. Разве что одна странность, которую все замечали, но как-то не придавали значения: бабушка успевала делать невероятное количество дел. Огромный сад-

огород, в хлеву – многочисленная живность, а у неё везде полный порядок. И на кухне бабушке не было равных: на столе всегда первое, второе и компот. А уж выпечка – пироги, блины, хрустящий хворост – такая аппетитная и вкусная, что пальчики оближешь.

В огороде всё цвело и буйно росло: фруктовые деревья гнулись под тяжестью плодов, заросли малины давали по два урожая за лето, ровные ряды смородины и крыжовника ломились от ягод, клубника была посажена так, что не видно ей конца и края. А овощи! Огурцы – хрустящие, ароматные; морковь – ровная, сочная; помидоры – огромные, сладкие, как мёд. До сих пор, когда вспоминаю те помидоры, слюнки текут. В общем, не дом, а полная чаша. Бабуля еще умудрялась всю родню консервацией на зиму снабжать, притом, что всё делала одна, без помощников.

Помню, однажды, когда мне было лет двенадцать, я спросила её за ужином: «Бабуль, как ты всё успеваешь? Ты же одна, а дел – невпроворот». Бабушка одарила меня своей доброй, тёплой улыбкой, погладила по голове и, хитро подмигнув, сказала: «А у меня, доченька, помощник есть. Добрый помощник. Без него бы я не управилась». Я тогда подумала, что она шутит, или имеет в виду дедушку, хотя дед больше по механике да по стройке, а по хозяйству – не особо. И забыла.

Шли годы. Я выросла, выучилась, вышла замуж. Всё реже навещала в родной дом. К сожалению, человеческий век недолог. Случилось неизбежное: бабушка умерла. Тихо, во сне, как праведница. Дедушка, проживший с ней душа в душу полвека, не перенёс разлуки – ушёл следом, через полгода. Опустел дом, осиротел сад.

По наследству дом достался мне. На тот момент у меня уже была своя квартира, и я предложила двоюродной сестре с мужем пожить там, пока они не решат свои жилищные проблемы. Сестра обрадовалась, переехала. Я иногда, по выходным, навещала их – проведать, помочь. Всё было более-менее нормально, хотя чувствовалось, что без бабушки дом как-то потускнел, притих.

И вот однажды, после долгого перерыва, я собралась к сестре. Приехала – и обомлела. Дом, который я помнила с детства как образец уюта и достатка, выглядел заброшенным. Во дворе – горы мусора, неприбранные дрова, покосившаяся калитка. В доме – бардак, пыль, немытая посуда. А огород... Огород зарос бурьяном по пояс. От бабушкиных грядок не осталось и следа, лишь несколько старых яблонь сиротливо торчали среди лебеды и крапивы.

У меня сердце кровью обилилось. Я не выдержала и высказала сестре всё, что думаю. Мол, как же так, бабушка с дедом всю жизнь в этот дом душу вкладывали, а вы в два года всё порушили. Надо сохранять, приумножать, а не пускать на самотёк. Сестра сначала отмалчивалась, потом начала оправдываться: времени нет, работы много, здоровье не то. А тут из комнаты вышел её муж, мой зять, и с ходу на повышенных тонах: «Ты чего приехала, учить нас? Не лезь не в своё дело! Как хотим, так и живём!» Слово за слово – мы разругались в пух и прах. Я поняла, что оставаться здесь не могу, и решила уехать утром. Пошла в свою комнату на втором этаже – ту самую, где в детстве спала, – и легла спать, надеясь, что утро вечера мудренее.

И вот тут началось самое необычное.

Ночью мне приснился сон – невероятно реалистичный, яркий, такой, что и сейчас помню каждую деталь. Снится: я выхожу из комнаты, иду к лестнице, чтобы спуститься вниз. В доме стоит та особенная ночная тишина, когда слышно, как потрескивают половицы. Начинаю спускаться по деревянной лестнице – и вдруг слышу, кто-то зовёт меня по имени. Голос негромкий, но отчётливый, прямо над ухом. Оборачиваюсь и вижу: наверху, сбоку, у перил, которые ограждают площадку второго этажа, стоит человек. Мужичок, небольшого роста, коренастый, ладный. Одет не по-нашему: белая рубаха с красной вышивкой по вороту и подолу, широкие штаны, заправленные в сапожки. Так раньше крестьяне одевались – в старину, ещё до революции.

Я замерла на лестнице. А он стоит, смотрит на меня. И тут я разглядела его лицо. Густая борода, почти до груди, скрывает грубоватые, но не злые черты. Волосы на голове – пышные, кудрявые, и цвет у них странный: какой-то синеватый отлив, будто воронье крыло с синевой. Но самое поразительное – глаза. Пока мы стояли и смотрели друг на друга, они меняли цвет: то синие, как васильки, то зелёные, как трава, то вдруг янтарные, то коричневые. И вокруг глаз – глубокие морщины, как у старого, много повидавшего человека.

И тут я поняла: это же Домовой. Настоящий Домовой. Откуда пришло это знание – не ведаю, но сомнений не было.

Он заговорил первым. Голос у него оказался густой, немного хрипловатый, но приятный, с какой-то домашней интонацией:

– Выходи за меня замуж.

Я чуть с лестницы не рухнула. Вот так, с места в карьер, без предисловий. Стою, хлопаю глазами, не знаю, что и сказать. А он смотрит выжидающе, глазами переливается. Я собралась с духом и отвечаю:

– Ты что, это же невозможно! Ты – Домовой, а я – человек. Какое замуж? Да и замужняя уже.

Он не обиделся, а начал уговаривать. Голос стал ласковым, вкрадчивым: мол, я хороший, хозяйственный, тебя беречь буду, дом в порядке держать, детей наших нянчить. И сулил мне всяческие блага: достаток в доме, удачу во всём, вечную молодость. Я только головой мотала: нет, нет, нет. А сама пытаюсь спуститься по лестнице, уйти от этого разговора. Но он, видя моё упорство, стал быстро-быстро говорить, перечислять, что сделает для меня, лишь бы я согласилась. Глаза его при этом сверкали то зелёным, то золотом.

Чтобы как-то закончить эту странную сцену, я сказала:

– Ладно, я подумаю.

И тут же проснулась.

Комната освещена лучами ласкового солнца, за окном доброе утро. За окном щебетали птицы. Я лежала и пыталась прийти в себя. Сердце колотилось, но не от страха – от удивления. И этот мужичок, и глаза его... Конечно, подивилась над реалистичностью сновидения, но, не более того, мало ли, что может присниться. Однако, как говорится, это был только лишь первый звоночек, который я проигнорировала. Быстро собираюсь и направляюсь на выход.

Когда спускалась по лестнице, вдруг почувствовала спиной чей-то взгляд. Оглянулась – почти всё как во сне: лестница, перила, солнечные пятна на полу. Только не видно отвергнутого потустороннего «жениха», но при этом показалось, что воздух возле перил слегка дрожит, как над костром. Я поёжилась, но виду не подала. В доме стояла тишина, сестра с мужем спали, я никого, не предупредив об отъезде, вышла на улицу и отправилась на автобусную остановку, чтобы ехать домой. Однако, как впоследствии оказалось, история с Домовым только лишь начиналась.

Прошло несколько дней. Я уже начала забывать этот странный сон, как вдруг – звонок в дверь. Открываю – на пороге стоит мой зять, муж сестры. Вид у него, мягко говоря, потрепанный: глаза красные, опухшие, под ними круги синюшные, лицо бледное, осунувшееся. Руки трясутся. В руках – моя сумка, которую я забыла в тот день у них.

– Заходи, – говорю. – Что случилось?

Он переступил порог, поставил сумку и прямо с порога начал рассказывать. Голос срывался, он то и дело проводил рукой по лицу, будто отгонял наваждение.

– Ты не представляешь, что у нас творилось после твоего отъезда! Три ночи кошмара! Три ночи! Я не спал вообще!

Я предложила ему сесть, воды налила. Он выпил залпом, перевёл дух и продолжил:

– Как только ложусь, стоит закрыть глаза – он тут как тут. Мужичок небольшой, борода-тый, в старинной одежде. Навалится на меня, душит, ругается, кричит: «Ты почему хозяйку

обидел?! Кто ты здесь такой? Ты зачем в этот дом пришёл?» Я просыпаюсь – никого. Только тяжесть на груди, дышать не могу. Включу свет – тишина. Выключу – опять он. И так каждую ночь! А сегодня ночью совсем уж жёстко было. Сдавил горло так, что я думал – конец. И тут я понял, что он требует. И пообещал: завтра же пойду к Анне, извинюсь. И он сразу отпустил. Отпустил, понимаешь? Я утром вскочил, сумку твою схватил и к тебе. Ты прости меня, Анна, дурака. Прости, ради бога. Неправ я был. И сестра твоя тоже переживает. Ты приезжай, поговорим, всё уладим.

Я слушала его и чувствовала, как внутри разливается странное тепло. Значит, не приснилось. Значит, есть он, этот бородатый мужичок. И за меня вступился.

– Ладно, – говорю. – Прощаю. Иди с миром. Сестре привет.

Зять ушёл, заметно повеселевший. А я осталась стоять посреди комнаты и думать. Выходит, Домовой не шутил. Он всерьёз воспринял моё «подумаю» и, видимо, решил доказать свою преданность. Или просто не мог выносить, что в доме, где он живёт, обижают его потенциальную «невесту».

Но на этом история не кончилась. Теперь уже в нашей с мужем квартире стали происходить странности.

Надо сказать, мой муж – человек уникальный. Он с детства не видел снов. Вообще. Сколько себя помнит – засыпает, а потом сразу утро. Никаких сновидений. Я сначала не верила, думала, шутит, но потом убедилась – правда.

И вот однажды утром просыпаюсь я от того, что муж рядом ворочается, кричит. Открываю глаза – а он сидит на кровати, бледный, глаза выпучены, дышит тяжело.

– Ты чего? – спрашиваю.

Он смотрит на меня дико и начинает рассказывать:

– Тут такое дело... Проснулся ночью от того, что меня душат. Лежит на мне кто-то, за горло держит, не продохнуть. Я глаза открыл – темно, ничего не вижу, а тяжесть реальная, вот прямо чувствую. И голос в ушах: «Ты чего жену обижаешь? Зачем ведьмой назвал? А ну извиняйся!» Я пытаюсь пошевелиться – не могу. Сил нет. И вдруг понял: это не сон. Потом отпустило. Я долго лежал, боялся пошевелиться. А под утро забылся.

Тут я вспомнила: да, вчера мы с мужем сильно поругались. Я ему что-то выговаривала, а он в сердцах ляпнул: «Да ты ведьма!» Я тогда обиделась, но виду не подала. А Домовой, видно, услышал.

Я улыбнулась и сказала мужу:

– Больше не обзывайся. Теперь знаешь, у меня защитник есть.

Он на меня уставился, не понял. Я рассказала ему про Домового. Муж сначала крутил пальцем у виска, но потом, видно, вспомнил ночное приключение и притих. И знаете, что? С тех пор он ни разу не повысил на меня голос. Ни разу. Даже если спорим, он сразу остывает, извиняется. Вот так Домовой мужа воспитал.

Тогда-то до меня окончательно дошло: всё это реально. И теперь в моём доме живёт незримый, но очень заботливый «жених». Видимо, в ту нашу первую встречу, во сне, он не столько замуж звал, сколько хотел, чтобы я его к себе забрала. Чтобы он мог мне помогать, защищать, оберегать. А когда я пообещала подумать, он воспринял это как приглашение и переехал. В сумке, которую я забыла у сестры. Или просто увязался следом – это теперь не важно.

Жаль только, что с сестрой после той ссоры мы так и не помирились по-настоящему. Я пыталась, но она обиду затаила. Да и потом жизнь развела: я переехала в другую страну, началась новая жизнь. А дом тот так и стоит. По документам он мой, но сестра с мужем там живут. Я не стала их выгонять – не могу, не по-людски. Но Домовой, кажется, ушёл со мной. Или у него теперь два дома? Не знаю.

Иногда думаю: а что, если бы я тогда согласилась? Вышла за него замуж? Как бы это выглядело? Или он просто образ такой принял, чтобы я не испугалась? Может, ему просто нужно было моё согласие – разрешение быть рядом, помогать, оберегать. И он его получил. Потому что с тех пор в моей жизни многое наладилось. И муж ручной, и дела идут, и беды обходят стороной.

Вот такая история. Не страшная, не жуткая, а скорее удивительная и тёплая. Как тот самый бабушкин пирог, который пахнет детством и надёжностью. И кто бы что ни говорил про бесов и ангелов, я знаю: в моём доме обитает добрый дух. И, кажется, я ему нравлюсь. А это, согласитесь, приятно.

Так что, может, и прав был Аристотель: природа не терпит пустоты. А ещё она полна чудес, если уметь их замечать. И благодарить тех, кто рядом – даже если они невидимы.

Допились или Необъяснимый случай в бане

Хочешь – не хочешь, веришь – не веришь, но тем не менее в окружающем нас мире встречается много необъяснимого. Покуда с какой-нибудь непоняткой не повстречаешься лично, так сказать, лицом к лицу, то и не поверишь, что такое вообще может быть. А мне вот с подобными ситуациями часто приходилось сталкиваться, видимо, у меня какая-то предрасположенность ко всяким необыкновенностям. Расскажу про один занятный, но непонятный случай. Может, кто-то сможет пояснить, как такое возможно?!

Давно это случилось, в конце проклятых девяностых, когда в большой стране начался полнейший бардак, а на рабочий люд навалились печали да проблемы, которым, казалось, конца и края не будет. Настал затяжной период хронической безнадёги. Тяжелые были времена: ни работы, ни денег. Многие жители выживали как могли. Включая мою семью, да и соседей тоже. Колхоз развалился, остались мы без работы, если бы не личное подсобное хозяйство, совсем бы туго было. Деревня наша, некогда шумная и живая, будто вымерла: покосившиеся заборы, пустые глазницы окон в заброшенных домах, да редкий дымок из труб тех, кто ещё держался, не уехал в город. Даже казалось, что воздух здесь стал совершенно иным – не свежим, как в прежние доперестроечные времена, а спёртым, насыщенным отчаянием и пылью, поднимаемой редкими машинами с разбитой дороги. Ветер выл в пустых домах, и этот вой сливался с общим ощущением края, обрыва, за которым ничего хорошего нет.

И тогда-то это произошло. Точное время года не могу сказать, то ли ранняя весна, то ли поздняя осень. Но точно помню, что снег на улице уже или ещё лежал. Грязноватый, с проплешинами сырой земли у заборов. Родная деревенька. Субботний день. По обыкновению, управился по хозяйству, все необходимые дела сделал, воды, дров в избу принес. И тут супруга отправила в сельпо за хлебушком, ну и еще по списку прикупить, если, конечно, повезет и что-то из продуктов завезли. Погода стояла хмурая, небо затянуто непроглядной хмарью, задувал неприятный ветер. Он не обжигал, а лип к лицу, как холодная влажная тряпка.

Потелепался в центр деревни. Добрался без проблем. В магазине под запись взял хлеба, еще кое-какие продукты. Как водится, от продавщицы Нюрки узнал все федеральные и местные новости и, конечно же, по большому секрету, свежие домыслы и сплетни – кто спился, кто уехал, кто умер. Её тихий голос за прилавком был похож на шорох мышей за обоями – такой же полный мелкого, суетливого негатива.

Возвращаюсь. Подхожу к дому. На соседнем дворе открывается калитка. Из нее выходит сосед Антоныч – нормальный мужик, работяга, не пьяница. Да и я не сторонник этого дела, в доме никогда алкоголь не держал, не надобно мне этого. Поздоровались, сосед поинтересовался планами на вечер. В принципе, у меня никаких неотложных дел не было, о чем и сообщил.

И тут Антоныч стал настойчиво предлагать составить компанию, тяпнуть с ним по рюмашке. Есть у него припрятанная бутылка беленькой «Столичной», сохранилась еще с советских времен. Пояснил, что на душе кошки скребут, неприятности одолели, в общем, черная полоса в жизни, хочется расслабиться, поговорить. А ведь он не пьянь, чтобы горькую в одного пить. Было видно, как плохо хорошему человеку. Ну как тут отказать-то, не прийти на помощь по-соседски?

Поскольку дома ни у него, ни у меня без особого повода застольничать было нельзя (жены у обоих – гром-бабы, однозначно бы нас не поняли), а погода стояла скверная, то решили пойти к нему на участок в баню, в тепле посидеть, вечерок скоротать, по душам поговорить. Я сходил до дома, продукты занес, предупредил свою бесценную: так, мол, и так. Она, конечно, была шибко недовольна, разворчалась, но кой-какую закуску собрала. Собрала с таким видом, будто

снаряжала в последний путь – кусок солёного сала, огурцы из кадушки, три картофелины в мундире. Её ворчание было красноречивее любой брани.

И вот расположились у соседа в старенькой бревенчатой баньке, где пахло дымком, берёзовым веником и сыростью. Светилось маленькое окошко, и тусклая лампочка под потолком отбрасывала дрожащие тени от поленьев в печурке. Тени эти были живыми, они шевелились, словно вторя нашему неспешному разговору. Разлили по пятьдесят. Выпили. Закусили. Хорошо пошло. Повторили. Антоныч немного с духом собирался, а затем стал душу изливать. Он говорил о невозвращенных долгах, о сыне, пропавшем где-то на стройках, о том, что уже желания нет рано просыпаться по утрам. Слова его падали в тишину бани глухо, как камни в затаенное болото. А я сидел и думал, что мы с ним похожи на двух последних солдат на разбитой позиции, которые уже не ждут ни подмоги, ни приказа отходить, а просто делят последний сухарь и тихо ненавидят весь белый свет. Послушал я его. Думаю, мда, считал, что у меня надолго поселился полнейший писец, а у него-то вообще чуть ли не конкретная амба. Так всё плохо.

В какой-то момент меня как-то странно накрыло (опьянение действует по-другому), да и с одной поллитровки двоих взрослых так не может накрыть. От слова невозможно. А тут всё окружающее стало иначе восприниматься, время словно замерло, а пространство словно расширилось. Свет лампочки стал теплее и гуще, будто превратился в жидкий мёд. Звук голоса Антоныча отдалился, стал фоновым, как шум лесного ручья. А воздух... Воздух наполнился запахом сухой полыни и старого, хорошо просушенного дерева – не бани, а какой-то древней, добротной избы. И тут вижу, невесть откуда взявшийся бородатый мужичок обнял Антоныча за плечо и говорит: «Не печалься, всё вскоре переменится к лучшему. Работу получишь на лесопилке, в апреле. Долг тебе вернут, не переживай, и сам не ходи. А сын твой... Жди письма к Троице. Всё у него устроится». После этого ещё подробно всё описал, как и что будет происходить.

Мужичок был одет не то в старинный зипун, не то в просторную рубаху из грубого холста, подпоясанную верёвкой. Его лица, как я ни старался, разглядеть не смог – оно будто было в тени или просто не хотело фокусироваться. Но борода была седая, густая, и из-под нависших бровей светились глаза – спокойные. Я чувствовал – незнакомец старше нас намного, и взгляд у него знающий.

Самое главное, хочу отметить, что появление странного мужика мы оба восприняли как что-то естественное, нормальное. Не было ни испуга, ни удивления. Словно он сидел здесь с самого начала, притаившись в углу, и лишь теперь решил вступить в беседу. Его присутствие было настолько органичным, что даже мысль о вопросах «кто таков» и «откуда взялся» не возникала. Потом мы с ним выпивали, о чем-то беседовали. Он что-то важное нам говорил, негромко, но его голос был слышен сквозь любые другие звуки. В его словах не было ни мистики, ни пафоса – только уверенность, твёрдая, как камень. В общем, душевно посидели. В какой-то момент интересный собутыльник говорит: «Всё. Вам пора по домам».

И сказал он это таким тоном, каким отец говорит расшалившимся детям: мягко, но безапелляционно. В этот миг его присутствие стало ощущаться как дар, который сейчас заберут.

После этих слов я пришел в себя, словно с моих глаз упала пелена. Смотрю, Антоныч уже на лавке прикимарил. Бородатого мужика нет, однако на столике оставшаяся закуска и ТРИ стопарика стоят, и у меня ощущение, что с нами реально бородатый мужик выпивал, общался. Я голову почесал, решил, наверное, какой-то незнакомец заходил к нам на огонек. Бродяг-то в те времена было много.

Вышел из бани проветриться, смотрю, а следы-то в баню на припорошенной снежком земле только наши. К калитке, от калитки. Никаких третьих. И тут мне как-то не по себе стало, волосы на голове зашевелились, бросился вовнутрь, растолкал соседа и увел домой. Потом спрашивал у него, помнит ли он чего, а он ответил: «Нет, ничего не помню». Но сказал он это

как-то странно – не с досадой или смущением, а с лёгкой, почти умиротворённой улыбкой, будто только что проснулся от очень хорошего сна.

Но самое интересное, что вскоре и у меня, и у Антоныча всё наладилось, причем у соседа именно так, как таинственный бородач ему пообещал. Весной Антоныч действительно устроился на лесопилку, о которой и не думал. Сосед, известный скряга, неожиданно вернул старый долг. А летом, прямо на Троицу, пришло письмо от сына – жив, здоров, работу нашёл. Всё – в точности, как говорил неизвестный собутыльник. Антоныч после этого словно помолодел. И в его глазах светилась та самая умиротворённая уверенность, которую я видел у того странного бородача в бане.

Вот такой необъяснимый случай произошел в моей жизни, кто с нами третий тогда был, так и осталось загадкой. Кому ни рассказывал эту историю, либо подшучивали, мол, с банником выпивали. Банник? Может, и он. Но банник, говорят, любит пошуметь, напугать. А этот – успокоил. Напоил. И всё расставил по местам. Либо на полном серьезе заявляли, что до чертиков допились, мол, белочка приходила. Seriously? Да ладно. Любят некоторые при любом упоминании в истории о выпивке вспоминать пресловутую белочку, белую горячку или делирий. Белочка – это болезнь, страх, паника. А тот мужичок в бане был спокоен и не страшен. Он был как древняя, мудрая земля, которая просто решила утешить своих сыновей, пришедших к ней в минуту отчаяния. Да к тому же, как известно, к человеку, который не уходил в запой на неделю и более, а потом резко бросал, белочка не является. А мы с Антонычем не могли вспомнить, когда в последний раз до случая в бане употребляли. Так что версия про белочку притянута за уши, как сова на куб. Кстати, откуда на столе в бане появился третий стопарь, так и осталось загадкой.

Послесловие

Этот случай не могу объяснить. Но... получается, что иногда в самую тёмную минуту, когда кажется, что помощи ждать уже неоткуда, сама реальность расступается и посылает утешителя. Не ангела в сияющих одеждах, а такого же, простого, как ты сам, мужика в дерюге. Может, это дух места, может – странник из иного измерения, а может – сама наша общая, народная тоска и надежда, воплотившиеся в каком-то образе. Важно не это. Важно, что он пришёл. Выпил с нами. И сказал: «Всё будет хорошо». И так – стало.

Рассказ написан по удивительной истории, которой поделился Майкл Кабинас (последнее слово изменено)

ОНО или Запредельная жуть

В жизни всякое бывает, даже такое нереальное, что, казалось бы, никогда не бывает. Неоднократно доводилось в этом убеждаться лично. Мир – не гладкая художественная картина, а ветхая штукатурка, под которой проступают контуры иных, древних и недобрых фресок. Расскажу одну непростую историю, а там вы уже сами решайте, с чем мне пришлось однажды столкнуться. Лично я до сих пор не знаю, какая запредельная жуть перепугала меня посреди крымской ночи на безлюдной проселочной дороге.

Произошло это в начале 80-х, в те далекие времена, когда целеустремленным, самоуверенным юношей настойчиво постигал азы судостроения в Керченской девятке. Хорошее было время, всегда с доброй ностальгией о нем вспоминаю. Время, когда казалось, что весь мир – это чертеж, который можно рассчитать, и корабль, который можно построить. Если не изменяет память, то в 82-м отправили нас на помощь местному колхозу спасти выращенный урожай. Уж точно не помню, что мы там собирали в садах, то ли яблоки, то ли груши, да еще на полях бахчевые. Но налопались всего под завязку. Колхоз назывался «Прогресс», отделение в небольшой деревне Еленовка (Крым). Вся группа организованно отправилась на место автобусами, кроме меня. Так уж сложилось, накануне пришла телеграмма, извещающая, что как раз в дату нашего отъезда из армии должен приехать на побывку мой старший брат. Всё-таки событие редкостное, не каждый день такое происходит, и я отпросился на пару дней, чтобы его встретить. С руководителем договорился, что чуть позже подъеду самостоятельно.

В общем, встретил брательника, как полагается, отметили долгожданную встречу (не употреблял от слова ни грамма, ибо тогда серьезно занимался спортом), погуляли по городу чуток, потом почти всю ночь не спали, общались. На следующий день отправился автостопом к месту дислокации нашей студенческой группы. От Керчи добирался долго, совсем не быстро, «на перекладных», и к Еленовке приехал на попутке довольно поздно, когда уже было в районе 23 часов.

Машина бросила меня на въезде в село, и я остался один на один с ночью. Воздух был густым, налитым влагой и запахами прелой травы, сырой глины и спелых яблок. Днем здесь пролил хороший дождь, земля еще не успела просохнуть, было свежо и влажно. Надо сказать, что поначалу ночь совсем не темная была, а наоборот, огромная полноликая луна очень низко плыла над сонным царством, да такая яркая, что в ее холодном, почти синеватом свете все хорошо было видно. Тени лежали черными, резкими бархатными лоскутами. Правда, со стороны побережья плотным фронтом надвигались черные грозовые тучи, охватывая с двух сторон ночную царицу, словно раскрытая пасть огромного чудища. Казалось, еще чуть-чуть, и пасть захлопнется, проглотив небесное светило. Тишина была не пустой, а плотной, как вата, в которую изредка втыкалась одинокая игла удалённого собачьего лая.

Деревня дружно спала, не было видно ни единого огонька, стояла густая, беспробудная тишина, лишь где-то в отдалении монотонно гавкал одинокий пес, тоскливо жалуясь на свою судьбу. Ни одной живой души не видать, а мне ведь нужно у кого-то из местных спросить про наших, узнать, где они остановились. Ладно, подумал, если никого не встречу на улице, то в крайнем случае постучусь в любую хату, кто-нибудь да откроет, подскажет. Закинул вещмешок на плечо и пошел вдоль по улице. Возле одного двора стоял колесный трактор, старый, еще довоенный, «Универсал», весь в заплатах ржавчины, похожий на доисторического жука. Рядом с ним заприметил помятое ведро, а на подножке какую-то ветошь, пропитанную и пахнущую соляrkой.

Безуспешно походил, никого не встретил, уже собрался в первые ворота стучаться, но тут со стороны соседней улицы донесся звон гитары. Не мелодия, а именно звон – нервный, деревянный, фальшивый. Кое-как, ориентируясь на звук, прошел через проулок, побродил по

каким-то закоулкам и наконец-то в неприметном закутке нашел трех мужчин, лет по тридцать. Они сидели в тесном кругу света от керосиновой лампы, за столиком под раскидистым деревом, выпивали, один из них мучил гитару. Мой музыкальный слух сразу отметил, что инструмент сильно расстроен. Подошел, поздоровался, поинтересовался, где студенты обретаются. Мужчины оценивающе, не спеша, оглядели меня с ног до головы. Поздоровались и подсказали. Оказывается, наши не в самой Еленовке находятся, а на полевом стане, и туда мне нужно топать порядка пяти километров. Поблагодарил и тактично сказал, что могу отладить гитару. Согласились, давай, коли могёшь.

Отладил, взял несколько аккордов, переборов. Звук стал чистым, звенящим в ночной тишине. Мужики, переглянулись, и предложили сыграть что-нибудь такое, чтобы душа развернулась. Исполнил песню Высоцкого «Про друга». Зашла. «Да, браток, могёшь», – хрипло выдохнул один, самый крупный, наливая в стакан мутной жидкости. После этого мужики посоветовали остановиться на постой в деревне, а не шляться ночером по полям, мол, небезопасно, местные после заката там не ходят. Вместо этого предложили выпить с ними. Дружеским советам я не внял, от самогона отказался (истинный крест), заявил, что все-таки пойду к своим, не из пугливых, но на всякий случай поинтересовался, чего же нужно опасаться. Неожиданно гитарист, подражая киногерою из «Неуловимых мстителей», выскочил из-за стола, замахал руками и стал кричать: «Нечистая! Нечистая, братцы!»

Это было смешно, и я искренне рассмеялся. «Да ладно вам, про сказки», – отмахнулся я. На что внешне самый старший из троицы, с лицом, изрезанным глубокими морщинами, как оврагами, сказал: «Напрасно смеёшься, были и до тебя другие непугливые, только после ночной прогулки портки стирали». Я, еще не отойдя от смеха, с улыбкой спросил: «Да что же там такое страшное, братцы? Скажите уж на чистоту!». А старшой, вроде как на полном серьезе, говорит: «Да такое, что словами не опишешь, каждый раз разное. Не поверишь, на слово, пока сам не увидишь. Вот ты нам потом при случае и расскажешь с чем повстречался». Он говорил без улыбки, и его глаза в тени козырька кепки смотрели прямо и пусто. Я, полагая, что это комедия, розыгрыш над приезжим, распрощался и потопал в ранее указанном направлении.

Прошел по тихой улице почти через всю деревню, уже вышел на окраину, тут вижу в последней хате одинокое окошко светится, тусклым пятном, думаю, надо бы для подстраховки у хозяев спросить, правильно ли двигаюсь. Постучал по покосившемуся плетню разок, другой. Плетень ответил сухим, скрипучим стоном. Показалось, что за шторой второго, темного окна, было какое-то движение. Видимо, хозяин, стараясь остаться незамеченным, рассматривал незваного ночного гостя. Подождал минуту, другую – никого. Уже собрался уходить, но тут на веранде с протяжным скрипом открылась дверь, в глубине появилась невысокая темная фигура, а рядом с ее ногами, другая, помельче. Раздался тихий старческий голос: «Хто тамава шумить?» Отвечаю: «Здравствуйте. Это добрый путник, дорогу хочу спросить!» В ответ прошамкали: «Ну, якщо добрий, то прохोдь».

Открыл тоже скрипучую калитку, прошел до крыльца, и уже там смог хорошенько разглядеть странную парочку, большого черного кота, с глазами, как два жёлтых уголька, и его хозяйина, вернее, хозяйку. Бабуся древняя, как Баба Яга из сказки, или, скорее, как ведьма из советского фильма ужасов «Вий»: в глубоких морщинах лицо, крючковатый, с большой родинкой нос, под ним беззубый рот, полуприкрытый веком левый глаз, словно целится, второй глубоко посаженный буквально буравит меня, из-под старого, замызганного платка торчат седые космы, вся сухая, спина сгорбленная. От неё пахло старостью, сушеными травами и чем-то непонятным, неприятным. Не могу объяснить почему, но сразу подумалось, что эта доисторическая старуха всю ночь на мне скакать будет.

С приличным мандражем спросил у бабуся о нужном направлении. Она мне сразу говорит: «Ты б не ходил туди вдоль саду вночи. Не к добру. Оставайся у мене до ранку, а там посветлу спокійно, без проблем до своих доберешься». Вроде, как гостеприимство проявила.

Но у меня в мозгу почему-то тревожная мысль о ночной езде под старушкой предупредительным красным огоньком, замигала. Нет, спасибо, говорю, пойду к своим товарищам. «Ну иди, – говорит, – но попомни мое слово, всё одно тебе вернуться придется». И усмехнулась беззвучно, скривив беззубый рот. Мда, ну и дела, думаю. Какие-то местные чудаковатые, суеверные. Ну да ладно, пошел. Только покинул пределы деревни, мне дорогу перебежал, огромный черный кот, сверкнул в ночи своими желтыми глазищами, исчез. Будто растворился в лунной тени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.